

ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК

Богородицерождественской церкви с. Нестово Орехово-Зуевского р-на Московской обл. т. 416-07-31

Издаётся с ноября 2006 года

2019 год

Жить и думать по-русски

Издание второе, исправленное и дополненное

В июльском номере газеты Орехово-Зуевского благочиния «Благовест» за 2009 год была напечатана статья под заголовком «Русские скинхеды». В этой статье поднимался вопрос о непонимании русской молодёжью идеи русского национального самосознания, на котором должна базироваться жизнь русского народа. Всякому православному человеку ясно, что основой этой идеи, конечно же, является Православие, святые заповеди Божьи и опыт воплощения этих заповедей в личной и общественной жизни народа.

Как бы в дополнение к этой статье мы приводим статьи Льва Александровича Тихомирова о том «Что такое национализм» и «Что значит жить и думать по-русски». Эти статьи увидели свет в 1910 и 1911 гг., но и в наши дни они не потеряли своей актуальности.

Л. А. Тихомиров был выдающимся мыслителем конца XIX – начала XX века. Он являлся политическим и общественным деятелем, религиозным философом, историком, публицистом, специалистом по литературе, языкоznанию, библиотековедению и глубоко верующим православным человеком. По своим политическим взглядам он был ревностным приверженцем самодержавия и крупнейшим идеологом монархического движения и русского традиционализма. После 1905 года разработал схему реформ системы «думской монархии». В 1906 году принимал активное участие в Предсоборном присутствии, которое занималось подготовкой Поместного Собора Русской Православной Церкви. В 1907 году был приглашён из Москвы лично Петром Столыпиным в Санкт-Петербург, где занял должность члена совета Главного управления по делам печати. С 1907 по 1911 год он был консультантом Столыпина по вопросам, связанным с рабочим движением ввиду обсуждаемого трудового законодательства, а с 1909 года работал редактором газеты «Московские ведомости». Из-под его пера вышло множество статей по политическим и церковным вопросам и такие работы, как «Начала и концы» (1890), «Социальные миражи современности» (1891), «Борьба века» (1895), «Монархическая государственность» (1905), «Единоличная власть как принцип государственного строения», «Религиозно-философские основы истории», «Тени прошлого» и др. Вклад Тихомирова в историю русской религиозно-философской и общественно-политической мысли очень велик.

Однако не всегда жизненный путь Льва Александровича был прямым и гладким. Родился он на Кавказе в благочестивой православной русской семье военного врача. Когда пришло время получать образование, Лев Тихомиров, в 1864 году, поступил в Керченскую гимназию. Здесь под влиянием окружающей среды произошло сильное изменение в его мировоззрении. В гимназии все учащиеся были проникнуты духом отрицания,

идеями свободы и демократизма. Религиозная вера и вера в монархию у Льва Тихомирова были основательно подорваны, а когда он поступил в университет, то окончательно утратил веру в Бога и втянулся в революционное движение. Со временем Тихомиров стал одним из членов Исполнительного комитета революционной террористической организации «Народная воля». Во избежание ареста он продолжительное время жил на нелегальном положении. Много скитался по России и был вынужден уехать за границу. Там, имея много времени на размышления и наблюдения, он увидел всё несовершенство и слабость республиканской формы правления и вообще демократического принципа власти. Он понял, насколько монархический строй в России, при самодержавной власти царя, правильней, сильней и стабильней. Лев Александрович глубоко осознал всю нелепость террористической деятельности и вообще революции. Этот тяжёлый и мучительный перелом в политических взглядах Льва Александровича происходил на фоне его возвращения к вере. Какое-то время он посещал католический храм, но вскоре его потянуло в православную церковь. Сам Лев Александрович так рассказывал об этом:

«...Вообще, ничто не сравнимо с православным храмом по его любящей теплоте. Но всё же скажу: я как-то чувствовал в католической церкви присутствие Бога. Ничто мне там не нравится особенно. Голые стены, некрасивы, невыразительны статуи, неуместны скамьи, неприятна пассивная дисциплина молящихся, по звону колокольчика и стуку булавы подымающих и садящихся. Не нравится мне даже и орган, что-то говорящий да не договаривающий. Не нравится и театральное пение, непохожее на молитву... не говорит католическая церковь сердцу так много, как православная... Помню, когда я первый раз после многих лет пошёл в русскую церковь. Я давно туда тянулся. Когда проходил мимо и видел сквозь переулок эти золотые маковки — так и хотелось зайти. Но я боялся и стыдился. Я — отверженец, я — враг своего народа... Как я пойду сюда?!

Но вот однажды, летом 1888 года, ...меня побороло это желание, взял Сашу, и мы отправились... завернув по тротуару, спустились в [нижнюю], подземную церковь. Не могу выразить, что я почувствовал в этой ночи, освещённой множеством теплящихся свечей и лампад. Образаискрились своей позолотой. Дьякон читал ектенью. Когда раздалось пение молитвы, мне стало страшно — я подумал, что у меня разорвётся сердце. Скажу прямо: с детства я не плакал, и не умею плакать, и презираю плач, и не верю плачу... Но у меня тут спазмы охватили горло, мне хотелось упасть и рыдать от горя и счастья, от стыда за своё блуждание, от восторга видеть себя в церкви; я не знаю от чего, но я даже подумал на секунду: "Господи, если у меня лопнет сердце, что же будет с сыном?" Саша у меня до тех пор вырос на католической церкви и полюбил её, хотя, конечно, знал, что мы и католики — разное дело... И вот мы выходим с этой первой службы. Я сам был слишком полон, а Сашу боялся спросить, понравилось ли ему... Но он с двух шагов, как только почувствовал, что можно разговаривать, окликнул меня:

— Папа, папуся.

Смотрю, весь красный, глаза горят.

— Что, Сашурка?

— Папа, мы больше не будемходить в католическую церковь... Тут лучшее, у нас гораздо лучше. Папа, сюда будемходить, правда?...»¹

¹ Тихомиров Л. А. Последние годы парижской жизни // Тени прошлого / Сост., вступ. статья и примеч. М. Б. Смолин. — М. : Изд-во журнала «Москва», 2000. — Гл. VIII — С. 586–588.

Неисповедимы пути Господни. Разрыв Тихомирова с революционной деятельностью произвёл сильнейшее потрясение во всех революционных кругах, не только российских, но и международных. Для всего мятежного сообщества это было как гром среди ясного неба.

Благодать Божья наставила Льва Александровича на истинный путь, и он все силы своего мощного ума направил на защиту монархии и православной веры.

Что такое национализм

...В нынешнем национализме чувствуется скорее "слово", чем "понятие", и это тем удивительнее, что национализм у нас далеко не нов. Его идея, в разных оттенках славянофильства, получила разработку несравненно более глубокую, чем какой бы то ни было другой принцип, нашим обществом воспринимавшийся. И тем не менее, хотя слово "национализм" раздается всюду, но что составляет содержание, этого слова, к какому действию обязывает современного человека его "национализм", — этого пока почти невозможно определить.

В [национальном] движении чувствуется не столько самосознание, сколько голос инстинкта, то есть именно та слабая сторона, по причине которой Россия вечно поддавалась чуждым идеям, вечно копировала чужие учреждения и вообще отличалась печальной чертой "обезьянничанья", свойственного всякой "варварской", не достигшей самосознания нации.

Этот недостаток сознательности составляет слабейшую черту и современного движения, более всего ставящую под вопрос его будущность. Недостаток сознательности препятствует, во-первых, созданию практической программы деятельности, во-вторых, даёт полную возможность входить в ряды "националистов" людям, проникнутым совершенно противоположными взглядами и симпатиями. Таким образом, под флагом национализма может развиваться деятельность, даже и прямо ему враждебная.

Должно вспомнить, что наше антинациональное, европейничающее движение, в том числе так называемое либеральное и "освободительное", отметили себя своеобразной чертой "фальсификаторства", подделки чужих этикеток как средства борьбы. Движения глубоко национальные этого никогда не делают. Лютер, восставая против папизма, не прикрывался названием "истинного пастыря", а шёл честно и прямо, как некоторая новая сила. Французская революция, стремясь низвергнуть монархию, не прибегла, как у нас, к искаjжению понятия "верховной власти", а просто перенесла верховную власть на народ. У нас же всюду подделка. Идут против Христа, и называют себя будто бы исполнителями заветов Христа. Идут против Православия, и называют себя "истинно православными". Идут против Царя, и сочиняют для отнятия у Него власти разные подделки, как искаjжение понятия о "Самодержавии", о "Верховной власти". Эта лживость и фальсификаторство, признак внутренней слабости, могут действовать тем успешнее, чем меньше у нас сознательности в религии, государственном праве или в отношении тех или иных принципов. Преобладание инстинктивности в национальном движении и делает его легко доступным таким преднамеренным искаjсениям врагов.

Не упоминаем уже об искажениях непреднамеренных, как, например, перенос к нам формулы "Россия для русских". Есть народы, для которых такая формула действительно национальна, вытекая из самого духа их и из обстоятельств их истории. У нас же трудно даже понять, какую именно программу способна дать подобная формула, притом же взятая напрокат у иностранцев. А между тем программы, вытекающей из содержания русского духа и из условий русской истории и жизни, у нас не видно и не видно. Точнее говоря, — такие программы имеются, но лишь как достояние отдельных мыслителей, не входящее в массовое и партийное сознание.

Вот для того, чтобы иметь будущее, чтобы стать движением прогрессивным и спасительным, современный национализм должен прежде всего развивать в массах то понимание, ту русскую самосознательность, какие имеются до сих пор только среди отдельных мыслителей, и в этом отношении непременно разъяснить массе общества и народа самое понятие о "национализме".

В действительности это понятие и принцип в высшей степени ясные и сводятся к тому, чтобы мы были самими собой. Нация, народ, как и отдельный человек, имеет свой особый характер, как бы свою, метафорически выражаясь, личность. Этот характер создается и племенными свойствами, и обстоятельствами исторического бытия народа, его собственными трудами над своим устроением, его работами нравственной и умственной и т. д. Национализм есть принцип, согласно которому мы должны жить с образом этим своим национальным чертам, ибо, только создавая жизнь, с ними сообразную, мы можем руководить ею и жить счастливо, можем работать энергично и производительно, возвышая свою нацию и в её работе давая кое-что полезное для человечества вообще. Для тех, кто понимает это содержание принципа национализма, совершенно ясно, что мы можем быть националистами лишь постольку, поскольку проникнуты знанием и духом своего исторического бытия, знанием и духом своего народа в его прошлом и настоящем, знанием и духом своих вековых учреждений и всего, что нашей нацией вырабатывалось. Вот только будучи таким образом русскими по духу и содержанию, мы способны национально создавать своё настоящее и своё будущее.

Что значит жить и думать по-русски?

Разумеется, не достаточно быть русским по племени, чтобы жить и думать по-русски. Гг. Маклаков, Милюков, Вязгин, Шечков, Замысловский — все русские по племени, а думают далеко не одинаково и стараются устроить жизнь русскую очень противоположными путями. Недавно ещё кто-то из "правых" лидеров — кажется, г. Юзефович (киевский) — писал, что нынешний редактор "Московских Ведомостей" Тихомиров — русский, а имеет не русское сердце, прежний же редактор Грингмут был не русский, а имел русское сердце. Оставляя в стороне сердца собственно этих двух лиц, нельзя не согласиться, что человек не русского племени нередко может быть скорее назван русским, чем иной потомок Московских бояр или даже Рюриковичей (которые, впрочем, и сами, по летописи, были не русскими).

В чём же причина этого? В том, что быть русским, жить и думать по-русски — это значит пребывать в том типе жизни, в том строе мысли, которые национальны для России, то есть выражают вековую и тысячелетнюю мысль и жизнь нации. Русская нация в вековой жизни своей работала, устраивалась, верила и мыслила, и вот

внутренняя принадлежность к этой мысли и жизни, соответствие с ней — определяет, по-русски ли живёт и мыслит такой-то человек и даже такая-то партия. Мы имеем целый ряд выдающихся мыслителей, которые были признаны национальными, то есть верно подметившими, что значить жить и думать по-русски. Таковы Киреевские, Хомяковы, Аксаковы, Катковы, Кояловичи и т. д. и не в меньшей степени ряд глубоких художников, как Пушкин, Достоевский, ряд историков, как С. М. Соловьёв (как раньше его Карамзин), и т. д. Можем мы найти и философов, и юристов, схвативших более или менее типичные стороны национальной мысли, в чём, например, никто не откажется Победоносцеву, Коркунову, В. С. Соловьёву. Желающие могут в сочинении Кояловича "История русского самосознания" найти сотни имён людей, несомненно, схватывавших разные стороны того, что значить жить и мыслить по-русски.

И вот мы просим читателей, желающих уяснить себе вопрос, к русской ли жизни и мысли зовёт Россию та или иная партия или фракция, — спросить этот сонм русских мыслителей и деятелей, то есть другими словами: сравнять, сходно ли данное мировоззрение с тем, что рисуют в тысячелетней жизни русского народа эти истолкователи духа самой нации. Дело не в том, что редактор "Московских Ведомостей" Тихомиров — по крови действительно чисто русский человек, а иные прочие деятели — сомнительны в этом отношении. Дело в том, у кого имеется и у кого отсутствует соответствие мысли и дела с вековою мыслью и делом самой русской нации.

У нас нынче, среди правых, иногда проявляется такая узкая идея русского интереса, такой национальный эгоизм, которые приличествуют разве какой-нибудь бискайской "национальности". Но это в высочайшей степени антирусская черта. Нет ни единого крупного деятеля русской мысли или государственности, который бы не свидетельствовал и в самом себе, и в своём слове о том, что русская национальность есть мировая национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных интересов, но всегда несшая идеалы общечеловеческой жизни, всегда умевшая дать место в своём деле и в своей жизни множеству самых разнообразных племён. Именно эта черта и делает русский народ великим мировым народом и, в частности, даёт право русскому патриоту требовать гегемонии для своего племени. Мы же теперь слышим иной раз требование прав для русского племени не потому, что это нужно для всех других, и для всего человечества, а просто потому, что для русского племени выгодно всё забрать себе. Это — настроение и точка зрения, против которых вопиет вся русская история, вся жизнь русского народа, все лучшие его мыслители и деятели.

Только во имя своей великой общечеловеческой миссии русский народ может требовать себе руководительства другими народами и тех материальных условий, которые для этого необходимы. Те требования, которые может и должен предъявлять русский народ, налагают на него великие обязанности попечения и справедливости. Он — не из тех опекунов, которые пользуются своими правами для того, чтобы обобрать отданных в зависимость от него. Люди, которые этого не понимают и не чувствуют, — думают и живут не по-русски. Это не мы им говорим, а целый сонм русских мыслителей, деятелей, вникавших в идею жизни своего народа.

Если мы любим Россию, если мы готовы при надобности стереть с её дороги всякого врага и супостата с радикализмом Грозного, Петра Великого, Муравьёва-Виленского и графа Евдокимова-Кавказского, — то только потому, что велика и для всего рода человеческого необходима господствующая роль нашей нации. Не будь этого, мы бы не смели требовать для русских ни на волос чего-нибудь большее, чем для всякого

другого народа. Если Россия откажется работать на пользу всеобщую, она теряет все свои права мировой нации.

Нам говорят, например, что русский народ имеет право устроить семинарии для себя и не пускать в них никого, кроме русских... Да разве дело только в праве? Ведь русский народ имеет известную цель своей жизни, не для себя одного он живёт. Какая-нибудь иноземная колония в С.-Петербурге или Москве может устраивать гимназию только для своих членов. А Россия в мире — не иностранка, она деятельная участница всечеловеческой жизни. Не имело бы ни малейшего смысла, если бы она отбросила заботу о распространении своего умственного и нравственного влияния на другие народы и племена. И уж особенно непонятно было бы это в отношении религиозном. Россия — носительница христианской миссии, дела Божия. Как же она откажется от религиозного воздействия на другие народы?

Нельзя не заметить поразительного сходства национальной узости иных наших патриотов с тою еврейскою национальною психологией, которую обличали пророки. В узких порывах патриотизма и у нас понятие о вере ныне смешивается с понятием о племени, и русский народ представляется живущим верой только для самого себя, в эгоистической замкнутости. Но такое воззрение внушается не христианским, а еврейским духом.

Русский народ имеет великие заслуги в христианском деле именно потому, что всегда признавал себя не собственником христианства, а слугой, сам ему служил, а не его заставлял служить себе. В этом отношении историческая русская национальность является антиподом исторического еврейства, которое, вопреки указаниям пророков, всегда стремилось отождествить веру с этническим элементом, считало себя "избранным" только потому, что составляет известное племя. Но нам, христианам, известно, что чада Авраамовы считаются не по плоти. Как же нам воскрешать в своей вере еврейскую точку зрения, ... усваивая их дух?

У всякой национальности, в смысле исторического культурного типа, есть свои сильные стороны. Есть они и в еврействе. Но никакая мировая нация не может завидовать той силе, какую имеют евреи и которая чужда высоты и благородства. Даже лучшие элементы самого еврейства всегда отшатывались от него и переходили к нам, в христианскую культуру, которой высота привлекает всякую высокую душу. Нам ли брать пример с евреев, отказываясь от того, что составляет нашу силу, и от того, что именно и значит жить и думать по-русски?

Но, ведь, мы становимся слабы именно потому, что сами забываем свои основы и начинаем воздвигать свою храмину не на них. А стоя твёрдо на своих основах, мы неподолимы, и уж, конечно, сильнее еврейства. Наши же основы не исключают действия решительного и грозного, но они исключают всякую несправедливость, всякий узкий эгоизм и тем паче не допускают отвержения заветов Христова учения, которое есть не только истина, но в то же время — единственная незыблемая опора нашей силы.

Источник: Тихомиров Л. А. Христианство и политика. — Калуга : «Алир» ГУП «Облиздат», 2002. — С. 164–169.

Священник Сергий Томашевский